

ЛБЧ1 27

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
М И К Л У Х О - М А К Л А Я

К Р А Т К И Е
С О О Б Щ Е Н И Я

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

Ю. А. РАПОПОРТ

К ВОПРОСУ О ХОРЕЗМИЙСКИХ СТАТУАРНЫХ ОССУАРИЯХ

За последние годы Хорезмской экспедицией получен большой материал, свидетельствующий о широком и длительном распространении в Хорезме оссуарных захоронений. Особый интерес имеет открытие нового для науки типа костехранилищ — статуарных оссуариев¹. Описанию одного из видов последних и посвящена в основном настоящая статья.

В 1956 г. неподалеку от городища Уй-кала были собраны фрагменты керамического оссуария, изображавшего всадника (рис. 1). Из этих фрагментов удалось восстановить частично фигуру лошади, от всадника найдены только разрозненные обломки (рис. 2).

Корпус лошади, переданный довольно схематично, имеет в плане подовальные очертания; изображенные подогнутыми ноги непропорционально малы, выполнены они техникой налепа. Хорошо моделирована шея с толстой короткой гривой. От головы сохранились лишь отдельные фрагменты. Хвост изображен коротко подвязанным. Невысоким рельефом переданы детали седловки. Собственно седла нет: изображен короткий чепрак с несколько оттянутыми углами. От чепрака отходят нашейный и подхвостный ремни. Ноги всадника переданы плоским, недостаточно отчетливым рельефом. Фигура всадника была вылеплена вместе с конем, отрезана до обжига и служила своего рода крышкой. Отверстие оссуария имеет округлые очертания (диаметр 26 см). Длина сосуда 60 см, высота до крупа лошади 35 см, до ушей — 50 см. Глиняное тесто хорошего обжига, красноватое, с большим количеством примесей. На поверхности сосуда сохранились следы светлого ангоба. Фигура лошади и особенно фрагменты фигуры всадника несут следы ошлаковки. Можно полагать, что мы имеем дело с керамическим браком. Действительно, фрагменты найдены близ обжигательной печи, среди обломков бракованной керамики, связанной, несомненно, с горном. Керамика эта может быть датирована I—II вв. н. э. На том же участке попадаются фрагменты раннекангюйской керамики (IV—III вв. до н. э.). Однако ряд соображений заставляет связывать оссуарий с поздним керамическим комплексом и соответственно его датировать.

Оссуарий в виде всадника — это один из вариантов статуарных оссуариев, которые характерны для Хорезма и являются иногда настоящими

¹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. — Кой-Крылган-кала. ВДИ, 1953, № 1, стр. 173; его же. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 году. ВДИ, 1955, № 3, стр. 204.

произведениями искусства (рис. 3). За пределами Хорезма известны оссуарии с изображениями человеческих голов на крышках; они несомненно восходят к статуарным оссуариям, но являются поздним, упрощенным и более грубым их вариантом.

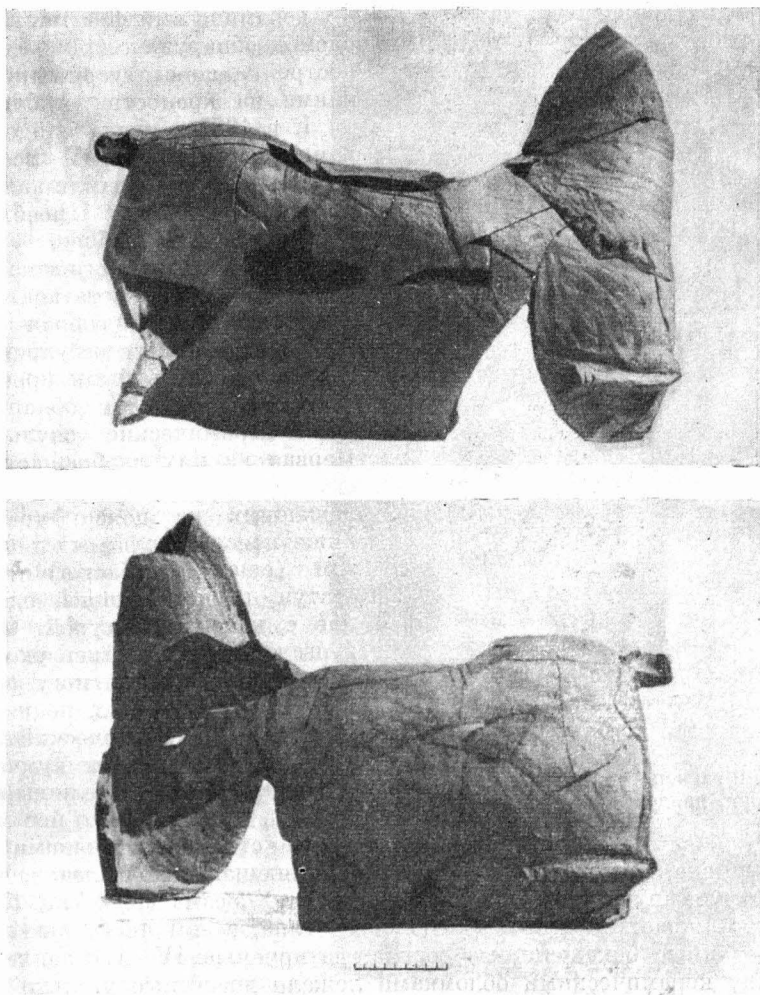

Рис. 1. Оссуарий, найденный близ Уй-кала

Таким же поздним вариантом оссуариев в виде всадника является оссуарий, найденный в местности Минг-чукур близ Самарканда, опубликованный Юсуповым и Скиндер².

В 1956 г. близ замка № 29 в Беркут-калинском оазисе были найдены обломки еще одного оссуария в виде всадника. Удалось подобрать часть головы лошади и отдельные фрагменты остальной фигуры (рис. 4). Эта

² М. С. Юсупов и С. И. Скиндер. Оссуарий из Тургай-мазара. «Труды Среднеазиатского государственного ун-та им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии». Ташкент, 1956, стр. 140—143.

статуя имеет следы раскраски, подчеркивающей рельеф (например, сбрую), и моделирована значительно четче. Сопровождает оссуарий керамика кангюйского типа.

Кроме двух находок 1956 г., следует отметить три случая, когда были встречены фрагменты подобных оссуариев: в 1955 г. во время работ на оссуарном кладбище Куба-тау был найден керамический фрагмент в виде лошадиного уха, в 1954 г. подобный обломок обнаружен при раскопках постройки со статуарными оссуариями на крепости Айбугир-кала I, в 1953 г. была найдена керамическая фигура всадника близ крепости Адамли-кала. На последней находке необходимо остановиться подробнее.

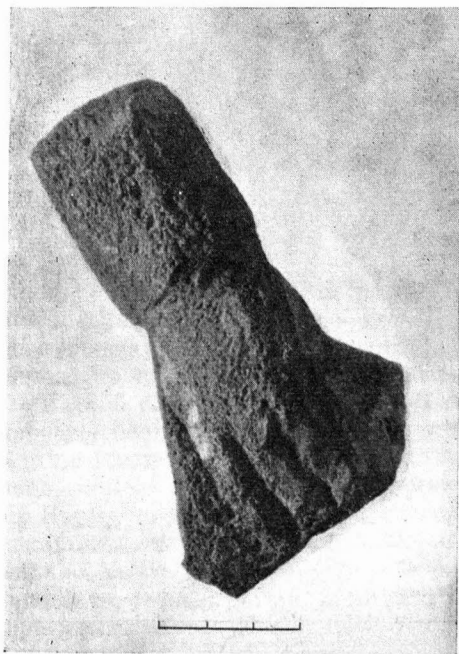

Рис. 2. Фрагмент фигуры всадника от оссуария, найденного близ Уй-кала

В 250 м к юго-западу от памятника среди остатков античной усадьбы были собраны фрагменты статуарных оссуариев, после чего здесь были проведены раскопки. При этом обнаружены две керамические скульптуры. Первая из них изображает мужскую фигуру (рис. 5) с руками, лежащими на поясе; несколько ниже пояса фигура отделена срезом (еще до обжига) от части статуи, представлявшей одно целое с конской фигурой. От фигуры коня сохранились ухо и напел, изображающий ногу (рис. 6, а, б).

Вторая — керамический сосуд, близкий по форме к хумчам архаического (Кюзели-гырского) типа. Однако это несомненно часть статуи — насечками передана вышивка, идущая по разрезу и окаймляющая подол платья, что характерно для архаических женских терракот Хорезма (рис. 7, а, б). Статуи сопровождается керамика кангюйского типа, в том числе два красноангобированные бокаловидные сосуда, датируемые IV—III вв. до н. э.

Между керамическими обломками лежали древесные угольки и мелкие куски сгоревших человеческих костей. Это давало основания полагать, что обнаружены следы трупосожжения и что керамические пустотелые скульптуры являются урнами. Однако подобная трактовка находки казалась тогда слишком смелой, поскольку весь найденный ранее в Хорезме материал относился к оссуарным, зороастрийским погребениям. Поэтому считалось более вероятным, что обнаружены оссуарии, разбитые при пожаре.

Следует отметить, что археологических данных о трупосожжении в ранний период истории Средней Азии еще недавно почти совершенно не было³. Но за последнее время количество материала, подтверждающего

³ Ср., однако, сообщение А. В. Комарова в Археологическом обществе 25 февраля 1888 г. (газета «Новости» № 62 и 65 за 1888 г.).

бытование обряда трупосожжения, заметно увеличилось.

В результате раскопок Кой-Крылган-кала, памятника, возникшего в IV в. до н. э., С. П. Толстов пришел к выводу, что здание это служило местом трупосожжения и храмом⁴.

Я. Г. Гулямов при раскопках на Кзыл-Кыре близ Бухары обнаружил некрополь IV—III вв. до н. э. с обрядом трупосожжения, где «покойников сжигали вместе со всем их имуществом, посудой, зернотерками, пряслицами и другими вещами. Пепел клали в сосуд и оставляли тут же на месте»⁵.

Весьма вероятным представляется сейчас, что слой, давший обильный обгоревший инвентарь кангюйского типа в недостроенном дворцовом здании на городище Калалы-гыр I⁶, — это слой трупосожжений. То, что этот слой перекрыт слоем оссуарного некрополя, скорее подтверждает, чем опровергает такое предположение.

В непосредственной близости от городища Кой-Крылган-кала на поверхности небольшого бугра найдены среди углей и пепла опаленная керамика кангюйского типа и керамическая маска (рис. 8)⁷. Следует отметить, что бугор является не остатками какой-либо постройки, а частью насыпи древнего канала, что исключает предположение о пожаре. Есть все основания полагать, что это место трупосожжения, где были оставлены и урны.

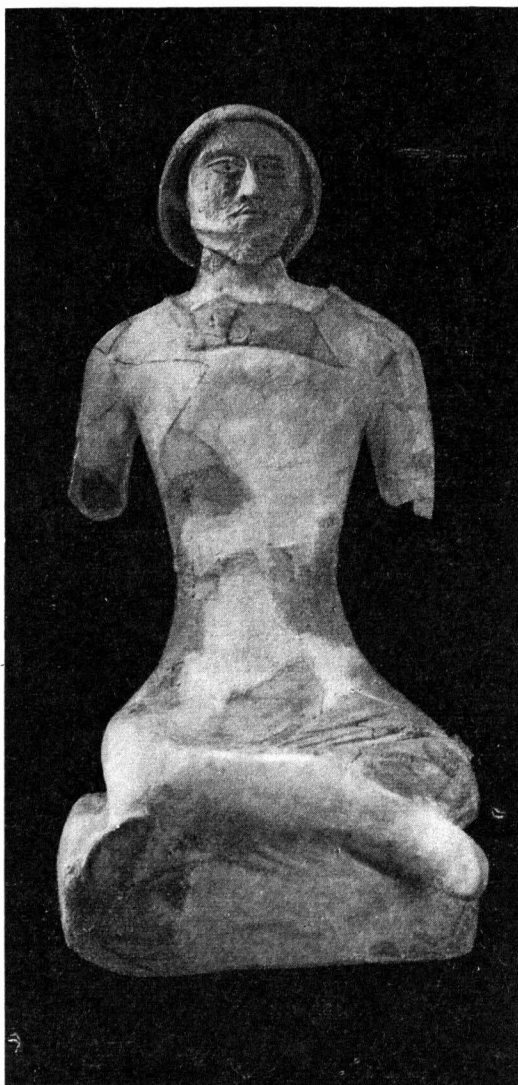

Рис. 3. Керамический оссуарий в виде сидящей мужской фигуры в натуральную величину, найденный близ Кой-Крылган-кала

⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. (Доклад на сессии отделения исторических наук). СА, 1958, № 1, стр. 121—122.

⁵ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», Ташкент, 1956, стр. 160.

⁶ С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 198—199.

⁷ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, М., 1958, т. II, стр. 190, рис. 85.

На самом городище Кой-Крылган-кала найдены обломки прекрасно выполненной керамической маски, первоначально раскрашенной по алебастровой подгрунтовке, со сквозными ноздрями и ртом (рис. 9). Весьма вероятно, что именно сочетание маски и сосуда, куда собирался пепел, и было началом эволюции от урны-сосуда к статуе-урне. Во всяком случае именно так шло развитие форм погребальных сосудов у этрусков: «Сначала употреблялись портретные маски металлические, привешивавшиеся к погребальным урнам, затем горло сосуда обратилось в голову, а на самом сосуде изображались разные члены тела и обозначалась одежда, и наконец появились сосуды, изображающие целую человеческую фигуру»⁸.

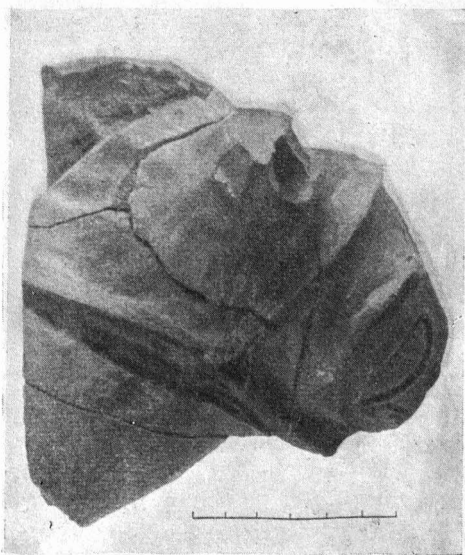

Рис. 4. Фрагмент оссуария, найденного близ замка № 29 Беркут-калинского оазиса

Рис. 5. Фигура всадника от погребального сосуда, найденного близ Адамли-кала

Помимо перечисленных археологических свидетельств о трупосожжении в Средней Азии, на существование этого обряда указывают и некоторые письменные источники.

Прежде всего, авестийский термин «дахма» (по сведениям Г. П. Снесарева, до сих пор сохраняющийся в Хорезме)⁹ обозначал первоначально, как указывает лингвистический анализ, «место сожжения», «погребальный огонь». В этом выводе единодушны такие ученые, как Гейгер¹⁰, Ньюберг¹¹ и Герцфельд¹².

В первом фаргарде Видевдата (Vid. 1, 17) упомянута область, где производятся трупосожжения (pasuspaja), эта область названа Чахра (га), локализация ее не установлена. Интересно отметить, что, беспощадно осуждая трупосожжение, Видевдат в то же время лишь Чахру и

⁸ Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена. СПб., 1898, стр. 366.

⁹ Полевая запись Г. П. Снесарева, № 143, 1954 г. Узбекский этнографический отряд.

¹⁰ W. Geiger. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 268.

¹¹ H. Nyberg. Die Religionen des Alten Iran. Leipzig, 1938, стр. 322.

¹² E. Herzfeld. Zoroaster and his World, v. II. Princeton, 1947, стр. 748.

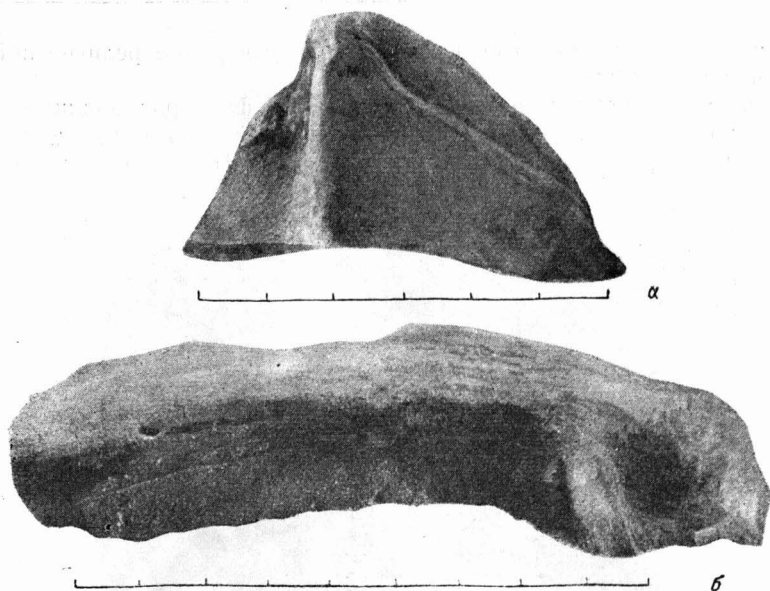

Рис. 6. Фрагменты фигуры лошади от погребального сосуда, найденного близ Адамли-кала:
а — ухо, б — нога

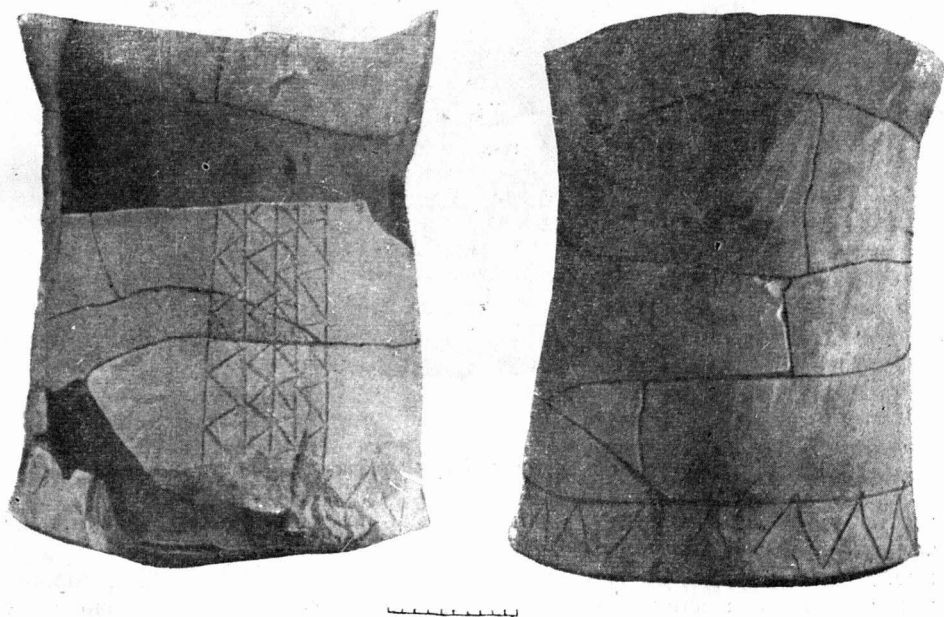

Рис. 7. Керамический погребальный сосуд, найденный близ Адамли-кала:
а — вид спереди, б — вид сзади

Маргиану считает верующими в Арту — олицетворение религиозной праведности зороастризма¹³.

Исходя из принимаемой сейчас датировки I фаргарда, можно считать, что еще во II в. до н. э. в одной из областей распространения зороастризма широко применялось трупосожжение. Это позволяет предполо-

Рис. 8. Керамическая маска, найденная близ Кой-Крылган-кала

жить, что более поздние свидетельства о трупосожжении связаны не только с известным тюркским обычаем, но и с древней местной традицией. Таково свидетельство Аммиана Марцеллина (XIX, 1—2) о сожжении трупа сына царя хонитов. Прах был собран в серебряную урну (о том, как выглядела урна, ничего не сказано), а вокруг урны были расставлены лежа с мастерски выполненными изображениями людей, сопровождающих покойного в загробный мир.

¹³ Ср. В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. ВДИ, 1949, № 2, стр. 17.

Заметим, что погребения на городищах Куня-Уаз¹⁴ и Канга-кала¹⁵, которые есть основания считать хионитскими, свидетельствуют о наличии здесь обряда, близкого к обряду, описанному римским историком. Вокруг выкладки с мощным кострищем располагались черепа и части скелетов. Рядом найдены обломки глиняного раскрашенного изображения человеческого лица (Канга-кала) и деталей человеческой фигуры (рука в натуральную величину, сделанная посредством наматывания

Рис. 9. Фрагмент керамической маски. Кой-Крылган-кала

пропитанной алебастром ткани на железный каркас, обнаружена в погребальной комнате Куня-Уаза).

Очень интересно свидетельство Истории Северных дворов¹⁶ и Суйской династии¹⁷ о наличии трупосожжения в государстве Ши, там упоминается также о золотой урне. Это сообщение привлекает А. М. Беленицкий при истолковании известной композиции из объекта II Пянджикента, на которой, по его предположению, изображена сцена приготовления к сожжению трупа¹⁸.

Таким образом, многие данные указывают на длительное существование в Средней Азии обряда трупосожжения и на распространение здесь погребальных урн. Весьма вероятно поэтому, что именно такие урны

¹⁴ С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. ВДИ, 1953, № 2, стр. 159—161.

¹⁵ С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 200.

¹⁶ Н. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 272.

¹⁷ Там же, стр. 282.

¹⁸ А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов). Живопись древнего Пянджикента, М., 1954, стр. 81—82.

были найдены близ Адамли-кала. В подобных урнах-статуях, или, применяя традиционный археологический термин, лицевых урнах, и следует видеть прямой прототип статуарных оссуариев, в том числе и рассматриваемого оссуария в виде всадника. Весьма сложным является вопрос о том, каким образом обряд захоронения пенла в урнах мог смениться захоронением костей в оссуариях, пусть и близких к урнам по форме.

Согласно свидетельству античных авторов, среди восточноиранских племен распространено было выбрасывание трупов на съедение животным и птицам¹⁹. У них, как полагают, заимствовали этот обычай маги²⁰, у которых выбрасывание мертвых отмечено Геродотом (I, 140). Выбрасывание трупов предписывает Авеста. Однако в античных источниках нет указаний на употребление оссуариев. Нет достаточно четких указаний на то, каковы были *uzdāna* и в Авесте. Оссуарные захоронения характерны, очевидно, именно для Средней Азии (только меньшим размахом археологических работ трудно объяснить весьма незначительное количество находок оссуариев за ее пределами). В то же время необходимо подчеркнуть, что среднеазиатские оссуарии не датируются ранее IV в. н. э. Исключение составляют лишь некоторые хорезмийские оссуарии, к которым, по-видимому, восходят оссуарии Согда, Шаша, Семиречья и западной части Ирана²¹. Следовательно, столь рано зафиксированный обычай «выбрасывания», видимо, не сопровождался первоначально захоронением костей в оссуариях.

Наряду с выбрасыванием трупов существовал, по всей вероятности, в той же этнической среде, древний обряд трупосожжения, который весьма рано (на это указывает сохранение традиций в V в. до н. э. в форме погребального сосуда, найденного близ Адамли-кала — рис. 7) привел к появлению лицевых урн. Впоследствии, и это очевидно следует связывать с победой канонического зороастризма, обряд выбрасывания вытеснил полностью трупосожжение, но урны при этом были сохранены, превратившись в оссуарии. Можно полагать, что, происходя от урн, не все оссуарии получили их форму; в тех районах, где преобладало ранее трупосожжение, они приняли форму саркофагов, гробниц, а в районах распространения выбрасывания — форму погребальных носилок (таково, нам кажется, в частности, происхождение некоторых форм хорезмийских оссуариев). При постановке вопроса о происхождении оссуарного обряда как синтеза трупосожжения и «выбрасывания» следует отметить, что археологические данные свидетельствуют о возможности возникновения на основе двух или даже трех погребальных обрядов нового ритуала захоронения²².

В заключение следует попытаться определить, кого изображают статуарные оссуарии, в частности рассматриваемый нами оссуарий в виде всадника.

Допустимо предположение, что это изображения божеств. Примеры захоронений внутри статуй богов имеются — таковы каноны, сосуды для внутренностей в древнем Египте.

Однако гораздо чаще погребальная урна изображает покойного: его образ всегда передает погребальная маска, а видимо с масками и связан

¹⁹ Страбон, XI, II, 3; XI, II, 8; Цицерон. Тускулянские беседы, I, 45; Диодор, XVII, 105; Юстин, 41, 3 и др.

²⁰ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 403.

²¹ См. Б. Я. Ставиский. Пянджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв. Автореферат диссертации. Л., 1954.

²² Б. А. Куфтич. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, стр. 75.

начальный этап хорезмийских оссуариев. Да и внешний вид самих изображений, передающих облик реальных людей, лишенных каких-либо атрибутов божества, заставляет считать статуи портретными.

Изображения, пожалуй, подчеркивают лишь спокойствие и величие умершего. Последней цели, видимо, служит изображение покойника в образе всадника. Вместе с тем можно полагать, что на выбор именно образа всадника наталкивало также имя покойного типа «Аспабарак» («Всадник»). Это имя было прочитано С. П. Толстовым на остраке с Кой-Крылгап-кала²³. Юсти насчитывает свыше 80 иранских имен с корнем «асра» — лошадь²⁴.

Следует предполагать, что статуарные оссуарии не были все же только сосудами для хранения костей; вполне вероятно, что они служили, кроме того, предметом поклонения, являясь по сути дела изображениями божеств особого рода.

Попытаемся обосновать это предположение. На крышках многих оссуариев изображена парящая птица. Еще Иностранцев доказал, что это изображение отлетающей души (фериште у иранцев)²⁵. Сравнительно недавно горные таджики устанавливали на могилах шесты с изображением голубей, причем у них было совершенно отчетливое представление о том, что это изображение душ умерших²⁶. На крышках некоторых оссуариев вместо фигурки птицы изображена человеческая голова, по мнению К. А. Иностранцева, — голова умершего²⁷. Тот же ученый на лепы-головки на четырехугольных оссуариях считает изображениями фравашей — душ умерших²⁸. Можно предположить, что и головки покойных на крышках также рассматривались как изображение фравашей. Но фраваша — это не только символ души, это многочисленные и могучие божества-предки. Представляются они часто как величавые сильные воины²⁹, иногда конные³⁰. Именно такого рода образы и передают хорезмийские статуарные оссуарии.

Очень многие стороны жизни считались зависящими от благорасположения фравашей; за свое покровительство они требовали поклонения и жертвы: «Кто будет восхвалять и почитать нас, воспевать нас и улаживать, кто встретит нас щедро с яствами и одежаниями в руках и восхвалениями, достоин за это высшего вознаграждения»³¹.

Примеры почитания изображений и останков предков широко известны. Так, Геродот свидетельствует, что скифы-исседоны поклонялись золоченым черепам отцов (IV, 26); римляне хранили в своем доме керамические маски предков (imagines) и приносили им жертвы (Полибий, VI, 53, IV).

Имеется еще одна параллель — уже более близкая. У осетин, погребальный обряд которых даже в XIX в. был сходен с зороастрийским, существовала так называемая «ночь мертвых», или «ночь сидения»

²³ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. — Кой-Крылгап-кала. ВДИ, 1953, № 1, стр. 169.

²⁴ F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.

²⁵ К. А. Иностранцев. К истории домусульманской культуры Средней Азии. ЗВО РАО, т. XXIV. Пг., 1917, стр. 138.

²⁶ А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 96.

²⁷ К. А. Иностранцев. Указ. соч., стр. 138.

²⁸ Там же.

²⁹ Яшт., XIII, 45 и др.

³⁰ E. Herzfeld. Указ. соч., т. II, стр. 499.

³¹ Яшт., XIII, 50.

(бадан-ахсав). В эту ночь воздвигалось изображение покойного, облаченное в его одежду, которое и служило предметом поклонения³².

Из упомянутого выше свидетельства китайских исторических хроник совершенно определенно можно заключить, что в государстве Ши поклонялись урне с пеплом родителей владельца, причем обряд выполнялся в определенные числа и с большой пышностью³³.

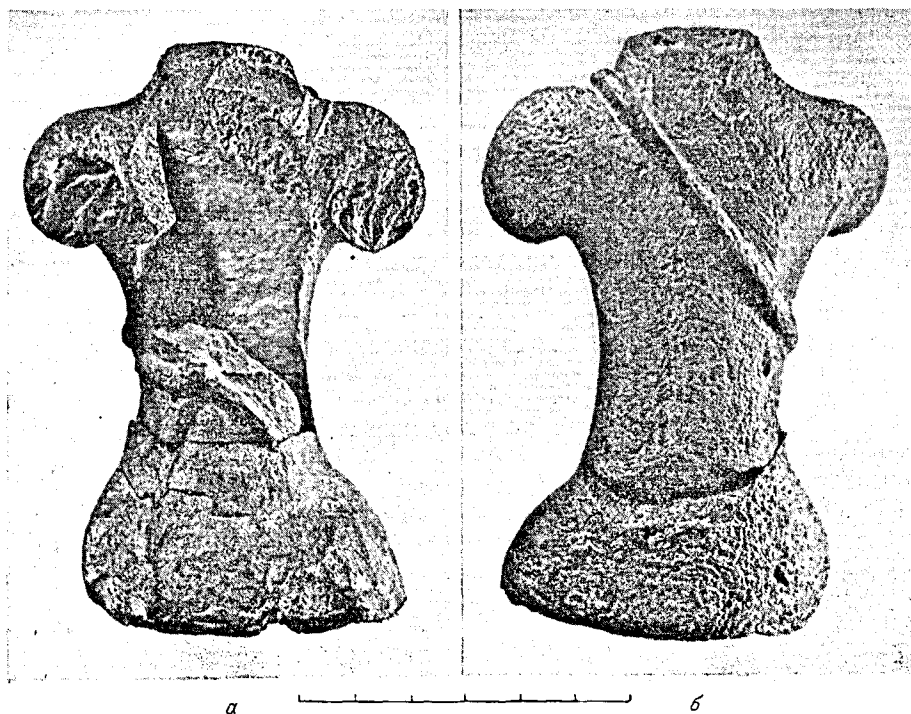

Рис. 10. Терракотовая статуэтка, найденная близ замка № 59 Беркут-калинского оазиса:

а — вид спереди, б — вид сзади

Несомненна прямая связь между статуарными оссуариями и статуями зала Царей Топрак-калы, которые, как это доказал С. П. Толстов, являются изображениями царей династии Сиявушидов и богов-покровителей³⁴.

Очень похожи на статуарные оссуарии некоторые терракотовые хорезмийские статуэтки (рис. 10, а, б.)³⁵. Возможно, что эти статуэтки в определенных условиях заменяли статуарные оссуарии, являясь также изображениями обожествленных предков.

³² С. Г. Каргинев. Ночь мертвых в Осетии. «Изв. Кавказского отдела РГО», т. XXIII, № 1, 1915.

³³ Н. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 272, 282.

³⁴ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 186.

³⁵ Ср. рисунки 3 и 10.

О сохранении почитания душ умерших предков свидетельствуют как средневековые источники (для Хорезма, в частности, это отмечено ал-Бируни)³⁶, так и современный этнографический материал. Согласно сообщению Г. П. Снесарева, до сих пор в Хорезме существует обряд в честь душ умерших (арвохи), который весьма напоминает «ночь сидения» у осетин. В определенные дни, точнее ночи, готовится особая пища для арвохи, помещения убираются, у распахнутых ворот чисто выметенных дворов при свете специально возжигаемых огней сидят люди, ожидая прихода арвохи³⁷.

Таковы некоторые предположения, возникающие в связи с находками статуарных оссуариев, которые еще недавно не были известны археологии. Дальнейшие работы, очевидно, приведут к новым находкам, что и позволит сделать более полные выводы.

³⁶ E. Sachau. Chronologie orientalischer Völker von Alberuni. Leipzig, 1878, стр. 226.

³⁷ Полевые записи Г. П. Снесарева № 21 и № 22 за 1956 г. Узбекский этнографический отряд.